

ИЗВѢСТІЯ

по

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХІИ,

издаваемая при журналѣ „ОТДЫХЪ ХРИСТИАНИНА“.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Опредѣленія Св. Синода.

Указомъ Св. Синода, отъ 30-го іюля 1903 г. за № 6848, назначенъ настоятелемъ Троицкаго Зеленецкаго монастыря келарь Александро-Невской Лавры, игуменъ **Серапіонъ**, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита.

Указомъ Св. Синода, отъ 31-го іюля 1903 г. за № 6953, назначена пенсія: вдовѣ протоіерея С.-Петербургской Благовѣщенской церкви Васильеостровской церкви Маріи **Михайловской**, съ несовершеннолѣтними дѣтьми, всего въ количествѣ ста руб. въ годъ, съ 21 октября 1902 г., изъ Главнаго Казначейства; вдовѣ діакона Никольской единовѣрческой, на Николаевской ул., церкви въ г. С.-Петербургѣ, Маріи **Вершинской**, съ несовершеннолѣтними дѣтьми, всего

въ количествѣ ста тридцати трехъ руб. тридцати двухъ коп. въ годъ, съ 31 іюля 1902 г., изъ Главнаго Казначейства, и вдовѣ діакона Осьминской церкви, Гдовскаго уѣзда, Александрѣ **Георгіевской**, съ несовершеннолѣтнею дочерью, въ размѣрѣ восьмидесяти восьми руб. восьмидесяти восьми коп. въ годъ, съ 12 января 1903 г., изъ Гдовскаго Казначейства.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Опредѣлены: на священническую вакансію къ церкви Свято-Троицкой Линтульской Женской Общины священникъ церкви Убѣжища Св. Петра въ г. Архангельскѣ **Евтропій Шиловъ**, согласно прошенію, 20 августа; младшимъ священникомъ при Передольской церкви, Лужскаго уѣзда, окончившій курсъ С.-Петербургской Духовной Семинаріи **Сергій Лебедевъ**, согласно прошенію, 22 августа; на штатную діаконскую вакансію къ Никольской Единовѣрческой церкви, что на Николаевской улицѣ, въ г. С.-Петербургѣ, пѣвчій хора С.-Петербургскаго Исаакіевскаго Каѳедральнаго собора **Петръ Андреевъ**, согласно прошенію, 11 августа; на псаломщическія вакансіи къ церкви Св. Петра Митрополита, что на Ульянкѣ, Петербургскаго уѣзда, окончившій курсъ С.-Петербургской Духовной Семинаріи **Василій Лѣсковъ**, согласно прошенію, 5 августа; съ возведеніемъ въ санъ діакона, къ церкви Николаевскаго Кадетскаго Корпуса, въ г. С.-Петербургѣ, студентъ С.-Петербургской Духовной Семинаріи **Алексѣй Граціановъ**, согласно прошенію, 7 августа; и с правляющими должностъ псаломщика при Верховинской церкви, Новолодожскаго уѣзда, учитель Залѣсской церковно-приходской школы, того же уѣзда, **Іосифъ Ефимовъ**, согласно прошенію, 19 августа; при церкви Горы-Валдай, Петергофскаго уѣзда, исполняющій обязанности псаломщика, по

вольному найму, при Кронштадтскомъ Андреевскомъ соборѣ, Николай Поповъ, согласно прошенію, 21 августа; къ Чирковицкой церкви, Ябургскаго уѣзда, пѣвчій хора Его Высокопреосвященства Михаилъ Аверинъ, согласно прошенію, 12 августа.

Исполняющій обязанности благочиннаго монастырей—Черемнецкаго Іоанна-Богословскаго и Староладожскаго Николаевскаго мужскихъ, Свято-Троицкаго Творожковскаго и Пятигорскаго Богородицкаго женскихъ, казначей Александр-Невской Лавры, Архимандритъ Іосифъ, согласно прошенію, по разстроенному здоровью, уволенъ отъ исполненія обязанностей благочиннаго и на его мѣсто назначенъ исполняющимъ обязанности благочиннаго названныхъ монастырей Правитель дѣлъ канцеляріи Духовнаго Собора Лавры, Архимандритъ Манарій, 11 августа.

Назначены: настоятелями: православной церкви при Императорской Россійской Миссіи въ Брюсселѣ Помощникъ настоятеля православной церкви при Императорскомъ Россійскомъ Посольствѣ въ Константинополѣ, Протоіерей Сергій Орловъ, 20 августа; церкви и законоучителемъ Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, въ С.-Петербургѣ, законоучитель Юрьевской Учительской Семинаріи священникъ Іоаннъ Егоровъ, 22 августа; старшимъ священникомъ при Передольской церкви, Лужскаго уѣзда, священникъ той же церкви Александръ Песоцкій, 22 августа; на священническую вакансію къ Троицкой церкви въ селѣ Горо-Валдай Петергофскаго уѣзда, окончившій курсъ С.-Петербургской Духовной Семинаріи Михаилъ Полетаевъ, согласно прошенію, 11 августа; къ посвященію въ стихарь, псаломщикъ Новосельской церкви Гдовскаго уѣзда, Петръ Яновскій, 19 августа.

Утверждены: помощниками благочиннаго церкви 3 округа, Гдовскаго уѣзда, священники Полновской церкви Гдовскаго уѣзда, Александръ Фаворскій и Кобылье-Городищенской церкви, того же уѣзда, Никандръ Беллавинъ,

5 августа; церковей 2 округа, Новоладожскаго уѣзда, священникъ Верольской церкви, того же уѣзда, Николай **Бѣлявинъ**, 13 августа; штатнымъ священникомъ при С.-Петербургской Вознесенской церкви временно исполняющій обязанности штатнаго священника при сей церкви, протоіерей Алексій **Лебедевъ**, 22 августа; въ должности псаломщика и назначенъ къ посвященію въ стихарь исправляющій оную при церкви Св. Іоанна Милостиваго, что при мызѣ Пеллѣ, Шлиссельбургскаго уѣзда, Іоаннъ **Левитскій**, согласно прошенію, 7 августа; преподавателемъ Закона Божія Доможировскаго 2-хъ класснаго Министерскаго училища, Новоладожскаго уѣзда, окончившій курсъ С.-Петербургской Духовной Семинаріи, Александръ **Лавровъ**, 13 августа; составъ приходскаго Попечительства при Суйдинской церкви, Царскосельскаго уѣзда, подъ предѣдательствомъ артиста Императорскихъ театровъ Николая **Бергера**, 14 августа; въ должности старостъ къ Рельской Николаевской церкви, Гдовскаго уѣзда, крестьянинъ Луппъ Антиповъ **Горянкинъ**, на 1-е трехлѣтіе, 5 августа; къ церквамъ Лужскаго уѣзда: къ Красногорской Знаменской—крестьянинъ Александръ **Леонтиевъ**, на 1-е трехлѣтіе, къ Христорождественской, села Бѣлаго крестьянинъ Василій **Стефановъ**, на 2-е трехлѣтіе, къ село Смердовской-Казанской—крестьянинъ Сумеонъ **Іустиновъ**, на 1-е трехлѣтіе, и къ Ктинской Димитріевской церкви, Гдовскаго уѣзда, крестьянинъ Евфимій **Артамоновъ**, на 3-е трехлѣтіе, 22 августа; къ Троицкой церкви села Александровскаго, С.-Петербургскаго уѣзда, крестьянинъ Димитрій Ивановъ **Ивановъ**, на 1-е трехлѣтіе, 18 августа.

Перемѣщены: на священническую вакансію къ Іоанновскому женскому монастырю, въ С.-Петербургѣ, священникъ церкви при Городской Больницѣ—колониі для душевно-больныхъ на Новознаменской дачѣ Александръ **Коротаевъ**, согласно прошенію, 13 августа; на штатную діаконскую вакансію къ церкви С.-Петербургской одиноч-

ной тюрьмы діаконъ церкви св. Петра Митрополита, что на Улянкѣ, С.-Петербургскаго уѣзда, Іоаннъ Грідневъ, согласно прошенію, 7 августа.

Перечислены: Зачеренская церковь, Лужскаго уѣзда, изъ 2-го въ 3-й Лужскій благочиннической округъ, 14 августа; С.-Петербургская Вознесенская церковь изъ 4 столичнаго благочинническаго округа въ 6-й столичный округъ, 19 августа.

Уволены: отъ должности псаломщика исправляющій оную при Чирковицкой церкви, Ямбургскаго уѣзда, діаконъ Константинъ Деревской, согласно прошенію, 7 августа; за штатъ настоятель православной церкви при Императорской Россійской миссіи въ Брюсселѣ, протоіерей Аванасій Петровъ, согласно прошенію, 20 августа; въ отпускъ: священники С.-Петербургской Волковско-кладбищенской церкви Іоаннъ Крыловъ, съ 17 августа по 9 октября,—настоятель православной церкви въ Ниццѣ, протоіерей Сергій Любимовъ, съ 7 августа по 30 сентября; священникъ Царско-Славянской церкви, Царскосельскаго уѣзда, Николай Георгіевскій, съ 12 по 25 августа; псаломщикъ Ратчинской церкви, Ямбургскаго уѣзда, Василій Веревинскій, съ 5 августа впредь на четыре мѣсяца; послушникъ Троицко-Сергіевой пустыни Филиппъ Алексѣевъ, съ 16 августа впредь на двѣ недѣли; протоіерей Покровской церкви, Гатчинскаго подворья Пятогорскаго женскаго монастыря Павелъ Вишневскій, съ 18 по 28 августа; протоіерей Сятской церкви, Новолadoжскаго уѣзда, Александръ Лавровъ, съ 21 августа впредь на 14 дней; священникъ Песоцкой церкви, Новолadoжскаго уѣзда, Николай Лавровъ, съ 23 по 31 августа; псаломщикъ С.-Петербургской Вхоіерусалимской Знаменской церкви Иванъ Голубевъ, съ 23 августа по 7 сентября; псаломщикъ Болотской Георгіевской единовѣрческой церкви, Лужскаго уѣзда, Василій Васильевъ, съ 22 августа по 22 сентября.

За смертію, исключается изъ списковъ: священникъ церкви Института Гражданскихъ Инженеровъ Императора Николая I, въ С.-Петербургѣ, Николай Климовъ, съ 7 августа.

С.-Петербургская Духовная Консисто́рія симъ объявляеть духовенству столичныхъ приходскихъ соборовъ и церквей, а также церквей столичныхъ иноепархіальныхъ монастырскихъ подворій, что Епархіальнымъ Начальствомъ, согласно прошенію члена комиссіи по постройкѣ новаго храма въ г. Лугѣ, жены статскаго совѣтника Елизаветы **Устьръцной**, разрѣшено произвести въ текущемъ году въ упомянутыхъ церквахъ сборъ пожертвованій на окончаніе постройки новаго храма въ г. Лугѣ, въ воскресенье, 19 октября, за литургіями и наканунѣ, 18 того же октября, за всенощными. Августа 22 дня 1903 года.

С.-Петербургская Духовная Консисто́рія симъ даетъ знать духовенству столичныхъ приходскихъ соборовъ и церквей, что Епархіальнымъ Начальствомъ разрѣшено произвести въ упомянутыхъ церквахъ 6 декабря текущаго года и наканунѣ 5 декабря за всенощными сборъ пожертвованій на сооруженіе церкви въ Крестовоздвиженской общинѣ сестеръ милосердія. Августа 22 дня 1903 года.

С.-Петербургская Духовная Консисто́рія симъ даетъ знать духовенству приходскихъ соборовъ и церквей столицы, что сборъ пожертвованій въ упомянутыхъ церквахъ въ пользу Общины сестеръ милосердія имени генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана и школы сидѣлокъ, Епархіальнымъ Начальствомъ разрѣшено произвести, вмѣсто 16 сего августа, за богослуженіями 12 октября текущаго года. Августа 22 дня 1903 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Проповѣдь, какъ живое слово ¹⁾.

I.

Въ параграфѣ о приготовленіи къ сказыванію проповѣдей авторъ „*Чтеній о церковной словесности*“ высказываетъ желаніе, чтобы „каждый проповѣдникъ былъ импровизаторомъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, которые своею внезапностью и неожиданностью не даютъ проповѣднику времени для размышленія. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, по мнѣнію проф. Амфитеатрова, гораздо лучше сочинять и говорить сочиненное. Импровизація есть только исключеніе“. Современникъ проф. Амфитеатрова, знаменитый проповѣдникъ м. Филаретъ въ теченіе своей долговременной проповѣднической практики, за исключеніемъ двухъ-трехъ случаевъ, совсѣмъ не произносилъ импровизацій самъ и даже осуждалъ священниковъ, упражнявшихся на семъ поприщѣ.

Нынѣ мы лишились знаменитаго проповѣдника-импровизатора въ лицѣ почившаго Амвросія, архіеп. Харьковскаго, который вмѣстѣ съ тѣмъ въ книжкѣ „*Живое слово*“ далъ извлеченную изъ собственнаго многолѣтняго

¹⁾ М. Тарьевъ. По вопросамъ гомилетики. М. 1903. 164—73.

опыта теорію живого проповѣдническаго слова. Архіеп. Амвросій считалъ импровизацію въ дѣлѣ проповѣдничества не исключеніемъ, а нормальнымъ путемъ проповѣдническаго ученія; онъ дѣлаеть исключеніе въ противную сторону только для догматовъ вѣры и отвлеченныхъ истинъ христіанскаго нравоученія и то только въ томъ смыслѣ, что о сихъ предметахъ трудно говорить основательно и правильно и выражаться отчетливо въ поученіяхъ незаписанныхъ и необработанныхъ предварительно. „Поэтому необходимо при началѣ остерегаться импровизацій собственно догматическаго содержанія и отвлеченнаго изложенія нравственнаго ученія. Только послѣ многолѣтняго упражненія можно приступить къ такимъ поученіямъ“ (стр. 102). Исключеніе неважное, такъ какъ предметовъ догматическихъ и отвлеченныхъ вообще нужно избѣгать въ проповѣдяхъ.

Отнынѣ смотрѣть на проповѣдь иначе какъ на слово живое, устное, импровизированное, какъ смотреть на проповѣдь авторъ „Живого слова“, является печальнымъ поворотомъ къ мертвой схоластикѣ 1).

II.

По разъясненію пок. архіеп. Амвросія, живое слово—это устное въ противоположность книжному. Рѣчи писанныя дома, заученныя наизусть и потомъ произносимыя въ собраніяхъ—совсѣмъ не то, что заслуживаетъ названія живого слова. Живыя рѣчи—это рѣчи совсѣмъ неписанныя, иногда только дома обдуманная, или даже на мѣстѣ соображенныя, и потомъ произносимыя въ собраніяхъ въ томъ порядкѣ и въ тѣхъ выраженіяхъ, какія сложатся у оратора въ минуту произнесенія. Живое слово совершенно противоположно сочиненію. Въ кабинетной работѣ, по требованіямъ логики, оказываются необходимыми доказательства, поясненія, пере-

ходы отъ одной части рѣчи къ другой и пр., а въ живомъ словѣ требованія отвлеченной логики и правила, предписанныя для сочиненій, замѣняются тѣми чувствованіями и движеніями мысли, которыя импровизаторъ примѣчаетъ въ своихъ слушателяхъ и которыми направляется его рѣчь. Живое слово подходитъ къ жизни. Оно въ такой степени противоположно сочиненію, что даже при записываніи импровизаціи она обращается въ сочиненіе и перестаетъ быть живымъ словомъ ¹⁾. Рѣчь импровизатора есть рѣчь болѣе или менѣе разговорная. Проповѣдникъ долженъ говорить такъ, какъ онъ можетъ и какъ умѣетъ ²⁾.

Къ этому мастерскому и глубоко вѣрному описанію живого проповѣдническаго слова мы позволяемъ себѣ добавить слѣдующее замѣчаніе. Архіеп. Амвросій разсматриваетъ живую рѣчь только съ художественно-ораторской точки зрѣнія, равно примѣняя ее какъ къ проповѣди, такъ и къ застольнымъ рѣчамъ. По его воззрѣнію, живое слово вполне совпадаетъ съ ораторскимъ искусствомъ импровизаціи ³⁾, безъ различія слова проповѣдническаго отъ свѣтскихъ ораторскихъ рѣчей. Эта точка зрѣнія обнаруживается въ перечисленіи тѣхъ способностей, которыхъ авторъ „Живого слова“ требуетъ отъ импровизатора. По его представленію, импровизаторъ долженъ непременно обладать всѣмъ, что требуется отъ даровитаго и основательнаго писателя, и въ добавокъ имѣть особенный талантъ—живость ума, легкость, удобоподвижность, также живое воображеніе, особенный даръ слова, силу голоса, благообразный видъ и всю внѣшность, наконецъ, извѣстное состояніе здоровья

¹⁾ Какой отсюда нужно сдѣлать выводъ относительно обычая готовать поученія для печати?!

²⁾ *Живое слово*, стр. 28—32, 49. 86. 117,

³⁾ Стр. 53.

и нервной системы ¹⁾. Представляя импровизатора въ такомъ идеальномъ свѣтѣ и надѣляя его такими разнообразными высокими качествами, какихъ во всей совокупности не легко и встрѣтить въ одномъ лицѣ, авторъ дѣлаетъ лишь ту уступку, что *вся эти дарованія* импровизаторъ можетъ не имѣть *въ самой высшей степени* и притомъ въ полной гармоніи ²⁾. Уступка столь незначительна, что, очевидно, не представляется возможности всѣмъ пастырямъ церкви быть импровизаторами. Напротивъ, намъ кажется, что возможность живого проповѣдническаго слова менѣе всего слѣдуетъ ставить въ зависимость отъ *особенныхъ* талантовъ; мы считаемъ достаточною психологическою основою проповѣднической импровизаціи, въ отличіе отъ свѣтской, духовную опытность проповѣдника, его призваніе, любовь къ слушателямъ въ связи съ „возможно-глубокимъ знаніемъ ученія вѣры со всѣми особенностями его внѣшняго облаченія и изложенія“ ³⁾ и знаніемъ жизни слушателей. Мы не думаемъ, чтобы существовали особыя требованія отъ проповѣди, какъ отъ живого слова, кромѣ тѣхъ, которыя предъявляются къ жизни проповѣдника, къ содержанію проповѣди и ея народности. Это находится въ связи съ тѣмъ, что проповѣдь не есть ораторское искусство, но простая, вполне безыскусственная, разговорная учительная рѣчь. вмѣстѣ съ тѣмъ мы позволяемъ себѣ думать, что изъ преимуществъ живого слова, которыя указываются въ книгѣ архіеп. Амвросія, одни, какъ-то открытое лицо и глаза оратора, въ которыхъ наиболѣе выражается сила его воодушевленія, возможность для проповѣдника на одной мысли остановиться болѣе, другую сократить,—не выражаютъ существа про-

¹⁾ Стр. 37—51.

²⁾ Стр. 52.

³⁾ Стр. 117.

повѣднической импровизациі, а другія, какъ то вліяніе на слушателей движеній и волненій души импровизатора, сопряженныхъ съ мышленіемъ, съ трудностями и даже опасностями неприготовленной рѣчи, такъ что „всякая остановка оратора озабочиваетъ слушателя, всякій счастливый оборотъ рѣчи его радуетъ, и онъ остается подъ двойнымъ впечатлѣніемъ — и отъ содержанія рѣчи и отъ успѣха оратора“¹⁾, — не подходятъ къ положенію проповѣдника, который, какъ посланникъ Божій, говоритъ просто, можетъ быть грубо, но увѣренно. Не съ точки зрѣнія этихъ преимуществъ устной рѣчи, не съ художественной точки зрѣнія вообще нужно разматривать живое проповѣдническое слово, а съ точки зрѣнія истиннаго характера христіанской проповѣди. Устное живое слово въ дѣлѣ проповѣдничества важно какъ свидѣтельство такого характера проповѣдничества въ томъ смыслѣ, что истинный проповѣдникъ можетъ говорить только живою рѣчью.

Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ христіанскаго проповѣдника, дѣйствующаго по призванію, и скажите какъ онъ единственно можетъ говорить народу. Христіанскій проповѣдникъ—это человѣкъ, опытно постигнувшій христіанскую истину, убѣжденный въ спасительности Христовой вѣры и глубоко познавшій „умомъ“ слово Божіе; онъ любитъ своихъ слушателей любовью Иисуса Христа, готовъ положить за нихъ душу свою; онъ близко знаетъ ихъ духовныя нужды. Онъ говоритъ по сознанію долга, какъ посланникъ Христа, и по сознанію духовной нужды слушателей. Онъ можетъ говорить только живымъ языкомъ, рѣчью разговорною, сердечною. Для него проповѣдничество есть не упражненіе въ словѣ, а дѣло жизни, для него рѣчь — средство живого общенія. Для него говорить по тетрадкѣ сочи-

¹⁾ Стр. 35, 36.

ненное столь же неестественно, какъ неестественно отцу ласкать и наставлять своего сына заранѣе сочиненными словами по тетрадкѣ; для него столь же странно думать о формѣ рѣчи, объ искусственномъ расположеніи мыслей, о выборѣ выраженій, какъ и для посланника, спѣшащаго передать вѣсть, отъ которой зависитъ спасеніе города.

Не говоря уже о проповѣди Господа Иисуса Христа и Его святыхъ апостоловъ, и вообще „въ древнія времена христіанства импровизація была главнымъ видомъ проповѣданія. Знаменитѣйшіе отцы церкви говорили свои бесѣды большею частью безъ приготовленія и не писали на хартіяхъ; тетрадь съ готовою проповѣдью почиталась признакомъ неспособности къ проповѣдничеству; того не хотѣли и слушать, кто показывался на кафедрѣ со свиткомъ. Миссіонеры всѣхъ временъ также импровизировали“¹⁾.

III.

Проповѣдь по тетрадкѣ есть насажденіе искусственное, которое воспитано обильнымъ трудомъ въ теченіе продолжительнаго времени. Книжная школа—вотъ первая разсадница такой проповѣди. Въ ней усиленно приучаютъ къ письменному выраженію мыслей, отучая отъ живой рѣчи. Въ ней приучаютъ смотрѣть на проповѣдь, какъ на сочиненіе; она создаетъ проповѣдниковъ, которые научаются сочинять проповѣди прежде, чѣмъ они сами начинаютъ переживать въ жизни христіанскую истину, для которыхъ христіанская истина есть истина книжная, отвлеченная. Въ глубочайшей основѣ книжной проповѣди лежитъ отвлеченный взглядъ на христіанскую истину, отсутствіе духовной опытности, отчужденіе отъ жизни. Обычай проповѣдывать въ храмѣ

¹⁾ Чтенія о церков. слов. II. 214.

по тетрадкѣ поддерживается условіями избранія нашихъ пастырей, ихъ приготовленіемъ, характеромъ ихъ отношеній къ паствѣ, вообще историческими обстоятельствами и привычками, но никакъ не разумными основаніями. Всѣ возраженія противъ устной проповѣди проистекають только изъ недоразумѣній.

Такъ, прежде всего противъ импровизаціи выставляютъ то, что она не даетъ возможности подвергать проповѣдь предварительной цензурѣ, что проповѣднику-импровизатору всегда предстоитъ опасность выразиться неточно, а можетъ быть и невѣрно о предметахъ вѣры. „Церковныя поученія должны быть заблаговременно сочиняемы, потому что всего предпочтительнѣе осторожность и предусмотрительность въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ малѣйшее небреженіе влечетъ за собой гибельныя послѣдствія. Даже искуснѣйшій не осмѣлится произнести ничего такого, что не приготовлено имъ предварительно со всѣмъ возможнымъ тщаніемъ, что не повѣрено не только собственнымъ его сужденіемъ, но даже сужденіемъ многихъ“. Это было бы серьезное возраженіе противъ проповѣднической импровизаціи, если бы оно не покоилось на невѣрїи въ человѣка и на вѣрѣ въ мертвую букву, на схоластическомъ и даже какъ бы канцелярскомъ воззрѣнїи на христіанскую религію. Какъ ничтожно значеніе логики и грамматики для христіанской вѣры, которая есть жизнь и духъ, это могутъ забывать лишь тѣ, для которыхъ все окрашено чернильнымъ цвѣтомъ, которые привыкли во всемъ наблюдать канцелярскую отчетность. Да и гдѣ граница для страха предъ ересью? Вспомнимъ тѣ историческія времена, когда вслѣдствіе этого страха ограничивали кругъ лицъ, которымъ позволялось проповѣдывать, когда совершенно запрещалась самостоятельная проповѣдь, когда совершенно умолкало живое слово: это были ужасныя времена. Даже въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ

осторожность и осмотрительность въ этомъ дѣлѣ требуютъ ограничить проповѣдь только храмомъ и запретить пастырю бесѣдовать съ прихожанами о предметахъ вѣры внѣ храма, по домамъ, во время и не во время. Правда, предметомъ храмовой проповѣди, въ отличіе отъ душепопечительныхъ бесѣдъ пастыря внѣ храма, часто ставятъ предметы богословскіе, догматическіе; даже были времена, когда проповѣдью пользовались въ политическихъ интересахъ. Но задача новой гомилетики въ отличіе отъ старой—разсѣять ложные взгляды на предметъ проповѣди и указать для нея единственное содержаніе въ простой евангельской истинѣ, которая стоитъ не только внѣ политическихъ интересовъ, но даже внѣ той области, богословской, на которую по преимуществу падаютъ ереси и вѣроисповѣдныя различія...

Затѣмъ, живое проповѣдническое слово не есть проповѣдь неподготовленная и произносимая съ небреженіемъ. Оно есть импровизація только по отношенію къ выраженіямъ мысли, къ формѣ рѣчи, потому что оно не есть сочиненіе, но не по отношенію къ содержанію. Мы представляемъ себѣ проповѣдника-импровизатора человѣкомъ, для котораго привычны христіанское настроеніе и христіанскій образъ мыслей, у котораго слова евангелія постоянно въ мысляхъ и на языкѣ, который вникаетъ въ себя и въ ученіе и занимается симъ постоянно (1 Тим. IV, 16). Онъ ежеминутно готовъ дать отвѣтъ всякому вопрошающему его; онъ всегда готовится и приготовленъ къ изложенію христіанскаго ученія. „Отъ избытка сердца глаголютъ уста. Гдѣ нѣтъ сего избытка, уста нѣмѣютъ. Какъ хотите вы, чтобы отъ тощаго сѣмени плодъ произрасталъ? Откуда возьметса у насъ избытокъ святыхъ помысловъ и вдохновеній любви, когда проповѣдникъ не питаетъ онаго въ себѣ молитвою, чтеніемъ слова Божія и твореній св.

отцевъ, размышленіемъ о самомъ себѣ и постояннымъ наблюденіемъ немощей человѣческихъ?... Иной, понадѣясь на богословскія свои познанія, шесть дней заботится единственно о мірскомъ, а въ навечеріе седьмага дня, на удачу избираетъ текстъ, призадумается, броситъ на бумагу нѣсколько бѣглыхъ мыслей, и мечтаетъ уже о плодоносномъ сѣяніи. Послѣ такого скуднаго приготовленія, уста проповѣдника по необходимости передадутъ христіанамъ одну лишь слабую пищу, безъ жизненнаго сока и силы. Въ мірскихъ нашихъ сношеніяхъ, что видимъ мы? Тѣ предметы, которыми умъ нашъ плѣненъ и сердце наполнено, составляютъ сущность разговоровъ нашихъ; любимое нами отзывается въ рѣчахъ; мы охотно и безъ скуки бесѣдуемъ о томъ, что любимъ. Чему же дивиться, ежели слово, въ храмахъ произносимое, подчинено тому же нравственному закону, какъ и всѣ прочія слова человѣческія?" 1).

Но, скажутъ, ежели мы не считаемъ возможною собственно неспособность къ импровизаціи, т. е., что пастырь, вполне приготовленный къ содержанію проповѣди, однако не можетъ говорить безъ тетрадки, потому что робѣетъ, нервы его не выдерживаютъ сотни устремленныхъ на него глазъ, потому что языкъ отказывается подыскивать и произносить нужныя слова? Тутъ можетъ быть что нибудь одно: или пастырь вообще не способенъ къ слову, или онъ не способенъ только къ проповѣдническому слову. Конечно, бываетъ природная неспособность къ слову вообще, начиная съ неспособности къ членораздѣльному звуку и кончая неспособностью говорить плавно и ясно. Таковую неспособность мы должны считать исключеніемъ и не принимать ее въ расчетъ въ принципіальномъ обсужденіи вопроса. Затѣмъ можетъ быть, что пастырь, вообще

1) Письма о должностяхъ священнаго сана, т. 1, 1843, стр. 184—185.

способный къ слову и говорящій въ обществѣ о вопросахъ религіозныхъ свободно и плавно, затрудняется и повидимому не можетъ говорить по этимъ вопросамъ въ проповѣднической импровизаціи. Въ основѣ такой кажущейся неспособности можетъ лежать одна изъ двухъ причинъ: или теоретическая, или психологическая. Теоретическая причина кажущейся неспособности къ проповѣднической импровизаціи заключается въ ложномъ риторическомъ взглядѣ нашихъ гомилетикъ на проповѣдь, какъ на сочиненіе, какъ на ораторскую рѣчь. Мы утратили самое понятіе о простотѣ христіанской проповѣди. Мы забыли, до какой степени простою, безыскусственною и краткою рѣчью должно и тѣмъ болѣе можетъ быть проповѣдническое слово. Мы забыли, что простотою христіанской проповѣди, побѣждавшею тысячи сердецъ и побѣдившею міръ, смущалось и оскорблялось эстетическое чувство образованнаго язычника. *Я невѣжда въ словъ*, говорилъ о себѣ ап. Павелъ (2 Кор. XI, 6). У проповѣдника не должно быть ни малѣйшей заботы ни о приступѣ, ни о какихъ либо риторическихъ фигурахъ, ни о патетической части и заключеніи, ни о красотѣ рѣчи. Пусть онъ говоритъ какъ можетъ и какъ умѣетъ. Какой же пастырь не можетъ дать краткаго простаго евангельскаго наставленія своимъ слушателямъ?... Психологическая причина состоитъ въ отсутствіи сознанія проповѣдническаго долга,—въ несознаваніи того, что молчаніе поставленнаго на чреду проповѣдника губельно для паствы. Но сознаніе долга проповѣдничества необходимо предполагается въ призванномъ проповѣдникѣ: его отсутствіе предполагаетъ отсутствіе призванія. А кто имѣетъ такое сознаніе, тотъ чувствуетъ огонь въ груди своей, котораго не можетъ сдержать. Снова скажемъ, что это сознаніе служитъ достаточною психологическою основою проповѣднической импровизаціи; нѣтъ нужды ни

въ какомъ другомъ психологическомъ побужденіи; для проповѣдника достаточно одного религіознаго воспитанія. Какъ нѣтъ спеціального проповѣдническаго-импровизаторскаго таланта, такъ и неспособность къ проповѣднической импровизации свидѣтельствуешь о религіозной неподготовленности пастыря къ своему дѣлу. Но называя живое слово единственно возможнымъ для проповѣдника словомъ, свидѣтельствомъ истиннаго характера проповѣди, не говоримъ ли мы слишкомъ „жесткое“ слово для современныхъ проповѣдниковъ, среди которыхъ столь рѣдки импровизаторы? Нѣтъ, и мы не говоримъ слишкомъ „жесткаго“ слова для нашихъ проповѣдниковъ и импровизаторы среди нихъ не такъ рѣдки, какъ кажется. Уже не разъ мы оставались на той мысли, что нѣльзя ограничивать область проповѣдничества тѣми поученіями, которыя у насъ произносятся въ храмахъ въ большіе праздники по тетрадамъ. Если бы было такъ, то у насъ по истинѣ былъ бы непрерывный въ теченіе многихъ вѣковъ ужасный гладъ слышанія слова Божія. На дѣлѣ проповѣдничество равняется всей области пастырскаго душепопеченія. Наши пастыри, если не всѣ, то многіе поучаютъ паству живымъ словомъ. Когда священникъ бесѣдуетъ съ крестьяниномъ въ полѣ о томъ, что нужно всякое дѣло дѣлать съ молитвою, что урожай и всякій успѣхъ въ трудахъ подается Богомъ, когда онъ утѣшаетъ семью, лишившуюся своего кормильца, надеждою на Бога, когда онъ поучаетъ дѣтей въ школѣ, и во многихъ другихъ безчисленныхъ случаяхъ, онъ бесѣдуетъ съ паствою живою рѣчью. И наличность живой проповѣди во всякое христіанское время, во всякомъ христіанскомъ народѣ, и способность нашихъ современныхъ пастырей къ живому проповѣдническому слову не могутъ подлежать сомнѣнію. А священника, который ограничиваетъ свое проповѣдничество чтеніемъ двухъ-

трехъ чужихъ проповѣдей въ годъ, а затѣмъ входитъ въ общеніе съ паствою только за куплею и продажею, да за трапезою или за карточнымъ столомъ, который, кратко сказать, дѣйствительно не бесѣдуетъ съ паствою живою проповѣдническою рѣчью и неспособенъ къ такому учительству, такого священника кто же назоветъ истиннымъ пастыремъ и проповѣдникомъ? Посему вопросъ о проповѣднической импровизаціи должно ставить въ такой единственной формѣ: нужно ли проповѣднику и въ храмѣ, при стеченіи народа, говорить съ нимъ тѣмъ же простымъ живымъ словомъ, какимъ онъ поучаетъ паству внѣ храма, или же святость храма требуетъ, чтобы здѣсь живое слово умолкало и проповѣдникъ говорилъ только по тетрадкѣ сочиненное? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ...

Картинка съ природы.

На второй день праздника Пасхи приходитъ къ одному изъ священниковъ Новгородской епархіи молодой парень, сынъ крестьянина, живущаго въ деревнѣ, версты за три, за четыре отъ погоста. „Батюшка, отецъ занедужилъ; пріѣзжайте причастить его. Только лошади мы не можемъ послать за вами — больна она; ужъ какъ-нибудь на своей пріѣзжайте“. Парень пришелъ въ то время, когда священникъ готовился сѣсть въ одноколку, на присланную прихожанами лошадь, чтобы ѣхать въ деревню Б. по обычаю ходить по домамъ „со крестами“. Приходская лошадь отослана. Запрягается сряду же лошадь священника, и вотъ онъ немедленно отправляется къ больному. Бѣдный домишка, всего состоящій изъ одной комнаты, даже кухня не отдѣлена. Священника ждуть. Въ домѣ все прибрано,

поль чистый. Въ переднемъ углу подъ образами сидитъ, опираясь на руки, самъ больной, крестьянинъ лѣтъ 50. Одѣтъ онъ въ красную рубашку и теплые сапоги. Слышится тяжелый хрипъ въ его груди. „Ну что, Василій, на праздникъ — и ты вдругъ задумалъ хворать, — что съ тобой?“ — „Да, вотъ, опухъ, батюшка: ноги и выше — до груди; простудился, надо-быть. Не чаялъ уже дождать васъ; утромъ сегодня худо случилось“. Слѣдуетъ чтеніе молитвъ предъ исповѣдью. Затѣмъ, по приглашенію священника, всѣ семейные, — жена, сынъ, и дочь, — подходятъ къ больному, земно кланяются ему и просятъ прощенія. „Меня простите“, слышится отвѣтъ больного. Всѣ выходятъ изъ дома, священникъ остается съ больнымъ наединѣ, чтобы принять его исповѣдь. По окончаніи исповѣди присутствующіе приглашаются священникомъ въ домъ, и больной пріобщается святыхъ Христовыхъ таинъ. „Ну, поздравляю тебя, Василій, съ исполненіемъ великаго христіанскаго долга. Пока есть силы, не переставай полагать на себѣ крестное знаменіе, благодаря Господа Бога за Его милость, которой ты сейчасъ удостоился“.

Исполнивши обязанности врача духовнаго, священникъ вступаетъ съ больнымъ и его домашними въ бесѣду, чтобы, если еще не поздно, сдѣлать что-нибудь и для тѣлеснаго здоровья его. „Чѣмъ лѣчишься?“ — спрашиваетъ священникъ. „Гдѣ намъ, батюшка, лѣчиться“, слышится отвѣтъ напутствованнаго и его семейныхъ. „Какъ гдѣ? Вѣдь фельдшеръ живетъ всего въ 5 верстахъ, пошлите“. — „Да лошадь-то вотъ больна“. — „Ну, такъ вотъ, — говоритъ священникъ, — завтра фельдшеръ поѣдетъ въ деревню Ш. Ты, — обращается онъ къ женѣ больного, — сходи туда или пошли сына и попроси фельдшера на обратномъ пути заѣхать къ вамъ. Слышишь?“ — „Слышу, батюшка“. Затѣмъ священникъ осматриваетъ ноги больного, пригласивши его снять

съ одной ноги сапогъ. На ногахъ, дѣйствительно, оказалась сильная опухоль. Священникъ нажалъ пальцемъ, и на тѣлѣ осталась зловѣщая ямка, долго не заполнявшаяся. Священникъ покачалъ головой и порекомендовалъ какое-то домашнее средство противъ водянки (священникъ старый, изъ тѣхъ, которые учились тогда, когда въ семинаріяхъ преподавалась медицина).

Въ заключеніе священникъ еще разъ, возложивши лѣвую руку на голову больного, правою троекратно осѣнилъ крестомъ эту послѣднюю. На столѣ оказались лежащими три копѣйки. Онѣ представляли собою плату, предлагавшуюся бѣднымъ человѣкомъ священнику за совершенную имъ потребу...

Свидѣтель вышеописаннаго не зналъ, чему дивиться. Поразило его прежде всего то спокойствіе, съ какимъ больной и окружавшіе его ждали роковой развязки. „Что это значить?“ думалось тутъ. Невольно пришелъ на память рассказъ одного изъ первоклассныхъ нашихъ писателей о томъ, какъ умираетъ русскій крестьянинъ. Припомнилось далѣе свидѣтельство одного священника и о тѣхъ причинахъ, которыя объясняютъ эту спокойную встрѣчу смерти нашимъ крестьяниномъ. Въ описанномъ случаѣ въ семействѣ крестьянина было, кромѣ него, трое: жена и взрослые сынъ и дочь. Тамъ, по рассказу священника, оставалась большая семья малолѣтнихъ. Когда священникъ сталъ говорить больному о дѣтяхъ, послѣдній замѣтилъ: *Съ ними... съ ними остается Господь*. Итакъ, не малоразвитость или что другое даетъ нашему крестьянину силы спокойно встрѣтить страшный часъ смертный, а именно эта его глубокая преданность въ волю Божию, его живая, доходящая до ясновидѣнія, вѣра въ благой Божественный Промыслъ. „Съ дѣтками моими остается Господь!“ Какая тутъ звучитъ увѣренность въ бытіи близкаго намъ, Личнаго, Всеблагаго Промыслителя и Господа!—Съ дру-

гой стороны, наблюдая вышеописанное, свидѣтель почувствовалъ все величіе того дѣла, которое творится священникомъ. Его ждуть—не дождутся. Явился онъ, исповѣдалъ, приобщилъ больного, — и по лицу этого послѣдняго разливается глубокое довольство. Слабѣющая рука его то и дѣло заносится на чело для совершенія крестнаго знаменія по чувству благодарности къ Создателю, благоволившему сподобить его послѣдняго и самага великаго утѣшенія. И понялъ наблюдавшій эту поѣздку священника, почему народъ нашъ называетъ пастыря своего батюшкой. Вѣдь имъ, отцомъ роднымъ, дѣйствительно, и являлся священникъ, прижимая къ своей груди голову больного и любовно благословляя ее... А эти три копѣйки за то, что священникъ пріѣхалъ на своей лошади за три версты, развѣ мало говорятъ онѣ? Три копѣйки за три часа труда! О Боже! дай всякому хоть изрѣдка, а не постоянно, какъ священникъ, имѣть случаи и желаніе такъ безкорыстно потрудиться на пользу ближняго („Новг. Еп. Вѣд.“).

Библиотека священника *)

М. Тарѣвъ. *По вопросамъ гомилетики.* 187 стр. М. 1903. Ц. 1 р.

Эта—сравнительно небольшая книжка. Она принадлежитъ перу профессора Московской Духовной Академіи, ученое и литературное имя котораго за послѣднее

*) Этой краткой замѣткой начинается отдѣлъ, который исключительно будетъ посвященъ бесѣдамъ о книгахъ, годныхъ для библиотечной полки священника. Пусть онъ и будетъ отвѣтомъ на заявленное нѣкоторыми подписчиками желаніе встрѣчать въ нашемъ журналѣ время отъ времени библиографическія замѣтки.

время приобрѣло себѣ уже довольно почтенную извѣстность. Многими, даже изъ весьма разборчивой на чтеніе публики, статьи его прочитываются съ глубокимъ интересомъ и часто съ полнымъ внутреннимъ удовлетвореніемъ. И это объясняется, не только счастливыми особенностями писательскаго таланта г. Тарѣева, но и его способностью, умѣньемъ всегда тонко подмѣтить въ современномъ движеніи жизни самый чувствительный пунктъ ея, самый больной и острый вопросъ. Уже одно это обстоятельство, само по себѣ, внѣ связи съ талантливимъ освѣщеніемъ взятаго предмета, открываетъ широкую дорогу произведеніямъ г. Тарѣева въ среду серьезныхъ читателей. Его статьи ловятъ глазъ и вниманіе читателя прежде всего своимъ заглавіемъ.

Прочитавъ въ немъ указаніе на тотъ или другой жилой вопросъ, иногда больно волнующій современную мысль, невольно хватаешься за самую книжку, озаглавленную имъ, въ надеждѣ найти здѣсь что нибудь новое, интересное,—и никогда не ошибешься. Г. Тарѣевъ—честный, живой, глубокой и чуткой богословъ—мыслитель. Онъ не скользитъ по поверхности вопроса, а лучомъ критической мысли старается всегда освѣтить самое нутро его... Можно иногда во многомъ съ нимъ не соглашаться и спорить при этомъ,—но трудъ чтенія никогда не будетъ напраснымъ.

Все сказанное приложимо здѣсь и къ книжкѣ, которую мы намѣреваемся рекомендовать нашимъ читателямъ....

„По вопросамъ гомилетики. Критическіе очерки“,—такъ озаглавливаетъ этотъ свой трудъ г. Тарѣевъ. Несомнѣнно вопросы проповѣди должны занимать мысль каждаго пастыря; они должны быть близки и дороги его сердцу. Къ тому же, значеніе ихъ особенно подчеркивается и поднимается въ наши дни, когда потребность въ учительномъ словѣ растеть не по днямъ, а по

часамъ и, не получая законнаго удовлетворенія, часто служить почвой для различнаго рода сектантскихъ увлеченій. Выясненію вопроса о томъ, что такое проповѣдь и какими качествами она должна отличаться, чтобы достигать своей цѣли; каковъ долженъ быть проповѣдникъ и что можетъ служить предметомъ его проповѣди; въ чемъ заключается современность и народность проповѣдническаго слова и составляетъ-ли оно на самомъ дѣлѣ искусство; и что такое *живое слово*,— вотъ предметы, на обсужденіи которыхъ останавливается мысль автора.. Мы не будемъ здѣсь болѣе подробно излагать конспектъ авторскихъ разсужденій, по даннымъ вопросамъ, предоставляя читателямъ ознакомиться съ ними чрезъ чтеніе самой книжки.. Мы считаемъ себя лишь обязанными отмѣтить, что вопросъ о проповѣди поставленъ г. Тарѣевымъ жизненно, глубоко основательно и интересно, и потому каждому пастырю церкви, если только онъ не хочетъ стоять въ сторонѣ отъ современныхъ теченій церковно - общественной мысли и жизни, необходимо войти своею мыслию въ кругъ тѣхъ идей, которыя затрогиваются авторомъ въ указанной книжкѣ. А это знакомство, во всякомъ случаѣ, не останется безъ благотворнаго вліянія на учительную дѣятельность пастыря-проповѣдника, и поможетъ ему разобраться въ томъ сложномъ и трудномъ вопросѣ, который каждый пастырь долженъ задать себѣ: чего же ждетъ народъ отъ проповѣдника и что послѣдній долженъ давать ему, чтобы проповѣдь на самомъ дѣлѣ не только служила украшеніемъ богослуженія, но и была бы полна „духа и силы“, и, дѣйствительно, покоряла сердца...

Чаадаевскій.

Святое Евангеліе отъ Іоанна на славянскомъ и русскомъ языкахъ, съ присовокупленіемъ русскаго текста въ новой редакціи. Печатано по распоряженію Оберъ-прокурора Св. Синода, въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, не для обращенія въ публікѣ. Спб. 1902 года.

Святое евангеліе отъ Марка... Спб. 1903 г.

Потребность въ переводѣ библіи на общеупотребительный русскій языкъ пробудилась у насъ, въ Россіи, по свидѣтельству исторіи, еще въ XVI в. Въ удовлетвореніе этой потребности явились въ свое время, какъ извѣстно, переводы Четвероевангелія на западно-русскій языкъ Пересопницкаго архимандрита Григорія и всей Библіи — Скорины. Въ XVIII в. опытъ перевода псалтири съ еврейскаго и новаго завѣта съ греческаго на русскій языкъ рѣшался сдѣлать святитель *Тихонъ Задонскій*. Въ самомъ началѣ XIX в. сознаніе этой потребности пробудилось у насъ съ новою и особенною силою. Выразителемъ этого сознанія былъ императоръ Александръ I. По свидѣтельству близкихъ къ нему лицъ, онъ благоговѣлъ предъ священнѣйшею изъ книгъ и, начиная съ 1812 года до конца своей жизни, неопустительно каждый день читалъ ее. По желанію и подъ покровительствомъ сего государя, въ 1818—24 гг. былъ изданъ первый переводъ Библіи на русскій языкъ трудами и заботами Библейскаго Общества. Съ закрытіемъ этого послѣдняго (12 апр. 1826 г.), не только прекратилось, но даже было запрещено изданіе Библіи на русскомъ языкѣ. Послѣ того только въ 1856 году явилась возможность возбудить вопросъ о переводѣ Библіи на русскій языкъ. Инициаторомъ дѣла на сей разъ явился

Московскій митрополитъ Филаретъ, который былъ главнѣйшимъ дѣятелемъ по переводу Библии на русскій языкъ и прежде въ Библейскомъ Обществѣ. Двадцать лѣтъ заняло всестороннее обсужденіе этого важнаго вопроса, и самый новый переводъ Библии на русскій языкъ, полная Библия въ русскомъ переводѣ явилась въ 1876 году.

Въ настоящее время явилось въ печати „Святое Евангеліе отъ Іоанна“ и „отъ Марка“.

Особенность новаго изданія „Св. Евангелія отъ Іоанна“ и „отъ Марка“ составляетъ именно русскій текстъ Евангелія въ новой редакціи.

Обстоятельства появленія новаго опыта русскаго перевода Святаго Евангелія отъ Іоанна и отъ Марка, а равно и тѣ начала и соображенія, которыми руководился переводчикъ, прекрасно выяснены въ предисловіи къ первой изъ сихъ книгъ. Такъ какъ Святое Евангеліе отъ Іоанна и отъ Марка напечатано въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, не для обращенія въ публикѣ, то мы и находимъ полезнымъ ознакомить духовенство съ началами, на которыхъ основанъ новый переводъ евангелія.

„Нашъ церковно-славянскій языкъ“, говорится въ предисловіи, „великое сокровище нашего духа, драгоценный источникъ и вдохновитель нашей народной рѣчи. Сила его, выразительность, глубина мысли, въ немъ отражающейся, гармонія его созвучій, и построенія всей рѣчи—создаютъ красоту его, неподражаемую. И на этомъ языкѣ вдохновенные творцы его, сами воспитанные на красотѣ и силѣ эллинской рѣчи, дали намъ книги священнаго писанія, дали намъ Святое Евангеліе. И всякое слово этой книги, изо дня въ день читаемое въ церкви,—знакомое, родное, понятное всякому, воспитанному въ церкви русскому человѣку.

Языкъ святаго Евангелія исполненъ такой высокой

простоты, и каждое слово въ немъ, и каждая рѣчь въ цѣлости своей исполнена такого священнаго значенія и такой священной памяти, что, казалось бы, нѣтъ никакой надобности переводить его на нашу обыденную рѣчь, на тотъ языкъ, на которомъ мы говоримъ, на которомъ сочиняются книги нашей, такъ называемой, литературы. Переводить на этотъ языкъ славянскую рѣчь Евангелія—значить портить ее; а перекладывать ее перифразировкою—значить обезобразивать ее съ опасностью опошлить чистое и принизить возвышенное.

Признано, однако, нужнымъ имѣть русскій переводъ Евангелія, и сдѣланъ первый опытъ, который, по трудности этого дѣла, конечно, не могъ быть совершеннымъ. Необходимо продолжать эти опыты, доколѣ мы не получимъ переводъ на языкъ достойномъ славянскаго подлинника, на языкъ, который не тревожилъ бы уха, знакомаго съ гармоніей церковнаго чтенія.

Значительнаго успѣха можно было ожидать,—и не напрасно ожидали,—отъ перевода Жуковскаго. Онъ былъ знатокъ русской рѣчи—не одного только книжнаго склада, понималъ умомъ и сердцемъ красоту славянскаго языка и обладалъ умѣньемъ чують и находить гармонію словъ. Всѣ эти качества отразились на переводѣ Жуковскаго.

Теперь почитаю нелишнимъ предложить новый опытъ перевода святаго Евангелія, для чего избрано мною Евангеліе отъ Іоанна.

Считаю полезнымъ указать при семъ нѣкоторыя соображенія, коими я руководствовался.

Думаю, что не слѣдуетъ мѣнять, безъ особой нужды, оборотъ и построеніе славянской фразы, а слѣдуетъ, гдѣ возможно, къ нему примѣняться. Очень много означаетъ гармонія фразы, какую мы слышимъ въ церкви: она зависитъ отъ созвучія въ сопоставленіи словъ и въ особенности въ заключительномъ звукѣ; мѣняя кон-

струкцію, мы нерѣдко нарушаемъ эту гармонію, а для соблюденія ея въ какомъ бы то ни было писаніи, слѣдуетъ сочинять фразу, не мыслию только, но и слухомъ.

Напрасно во многихъ случаяхъ избѣгать въ русскомъ переводѣ славянскихъ словъ и реченій, когда они въ известномъ тонѣ употребительны и въ русской рѣчи и всѣмъ понятны. Для чего, напримѣръ, тамъ, гдѣ съ полнымъ достоинствомъ употребляется въ славянскомъ: *да*, ставить русское *потому что* изъ разговорной рѣчи (напр., I, 8; IX, 3; X, 17)? а гдѣ возможно, приличнѣе нежели *потому что* употреблять *поелику*. Для чего устранять всѣмъ знакомое и понятное *того ради*? Для чего пестрить взятую съ славянскаго евангельскую рѣчь негармоничнымъ и неуклюжимъ: *который*? Есть возможность вмѣсто этого—съ измѣненіемъ оборота—ставить *онъ, кто*, или прибѣгать къ употребительному *что* (IX, 8. 24). А въ гл. XVII, 6 весьма неудобно слышать слово *которыхъ*, и, кажется, приличнѣе оставить тутъ *ихже*, а въ I, 47 совершенно достойно оставить въ *немже* (V, 45; VI, 51). Для чего замѣнять всюду *сей* разговорнымъ *этотъ*? Для чего *грядущее* всюду замѣнять *будущимъ* (едва ли по смыслу и соотвѣтственнымъ терминомъ), или *грядущаго*—*идущимъ*? Тутъ приходится различать, которое слово по предмету рѣчи приличнѣе (I, 36. 47). Для чего тамъ, гдѣ можно прибѣгнуть къ простому выраженію, ставить книжное, искусственное, не простое, а абстрактное слово: *имѣтъ, имѣютъ*? Въ XIII, 25 слово; *перси*, кажется приличнѣе оставить.

*Замѣняя слово другимъ, ходячимъ въ разговоръ, мы рискуемъ измѣнить, или ослабить смыслъ употребляемаго въ священномъ текстѣ термина,—такъ, напримѣръ, ставя *узналъ*, вмѣсто *уразумѣлъ*, *дѣлать* вмѣсто *творить*, *примутъ* вмѣсто *обрящутъ*, *зналъ*, вмѣсто *въдалъ*, *совершено*, вмѣсто *исполнено*, *беретъ* вмѣсто *вземлетъ*, *увидишь*, вмѣсто *узришь*, *разрушишь* вмѣсто *разорить*, *объ-**

яви, вмѣсто *исповѣда*, *странно*, вмѣсто *жестоко*, *друзья*, вмѣсто *други*, *служители* вмѣсто *слуги*, *объявилъ* вмѣсто *повѣдалъ*. И во множествѣ случаевъ нѣтъ никакой нужды въ этой замѣнѣ, отъ которой рѣчь несколько не становится понятнѣе, а только вульгаризуется. *Доброе* вино гораздо выразительнѣе, да и проще, нежели *хорошее*; *соблюлъ* гораздо точнѣе, нежели *сберегъ* во II, 10. *Вервѣ* нѣтъ надобности замѣнять изъ ходячей рѣчи *веревкой*. Слово: *знаменіе* приличнѣе оставить вмѣсто *чудо*; но въ иныхъ мѣстахъ *чудо* приличнѣе, по обстановкѣ рѣчи. Слово *знаменовалъ* едва ли удобно замѣнять словомъ: *положилъ печать* (VI, 27, или XII, 33). Слово *подобаетъ* незачѣмъ замѣнять тамъ, гдѣ оно достойнѣе (IX, 4). Не для чего *студенецъ* замѣнять *колодеземъ* и *корабль лодкой*; даже приличнѣе вмѣсто *лодки*—*ладья*. Слово: *не обинуясь*, употребительное у насъ и въ обычной рѣчи, замѣнять не для чего (X, 24). *Искони* столь же понятно, какъ и *изначала*. *Замѣнять очи—глазами* не вездѣ соотвѣтственно. Слово *жена* едва ли удобно замѣнять словомъ *женщина*. *Влача ладью*—во всякомъ случаѣ достойнѣе слова *таща*. Слово *глаголы* во многихъ случаяхъ приличнѣе оставить, равно какъ и *вопрошаетъ* приличнѣе, нежели *спрашиваетъ*. Во фразѣ *доколь души наши вземлещи?* вмѣсто *вземлещи* употребляю *тревожиши*, не замѣняя дѣланною фразой: *держиши въ недоумѣніи* (X, 24). *Воспомянетъ* о Духѣ Святомъ приличнѣе сказать, нежели *напомнитъ*. Еще XIV, 26. Возведя очи *горѣ* едва ли нужно замѣнять словами: *возведя къ небу* (XI, 41). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, думается, слова: *сый* и *паки* могутъ быть оставлены (I, 18; II, 13).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ казалось удобнѣе оставить безъ замѣны славянскіе обороты, для всѣхъ понятныя, когда всѣ привыкли слышать ихъ, и они выразительны, на примѣръ: *за слово* (XV, 3); лучше не замѣнять это фра-

зою: *чрезъ слово. О семъ* тоже приличнѣе во многихъ мѣстахъ оставить.

При соображеніи о томъ, гдѣ слѣдуетъ оставить слово славянскаго текста и гдѣ замѣнить его ходячимъ словомъ, необходимо, думаю, различать, о чемъ идетъ рѣчь, и чьи это слова: Иисуса Христа, Евангелиста, или лицъ изъ народа.

*Думаю, что инья слова греческія—знакомыя, а иногда и любезныя слышащимъ евангеліе,—лучше оставить изъяснивъ ихъ, если угодно, переводомъ въ подстрочномъ примѣчаніи. Таковы напримѣръ: архитриклинъ, алекторъ, лентіонъ (не переводя его черезъ *полотенце*)“.*

Такимъ образомъ, въ основу новой редакціи русскаго перевода святаго Евангелія отъ Іоанна и отъ Марка положено, кромѣ соблюденія всѣхъ иныхъ правилъ и требованій касательно перевода съ одного языка на другой, *сообразованіе русскаго перевода съ оборотами и построеніями славянскаго языка, проникновеніе умомъ и сердцемъ въ самую красоту славянскаго языка и гармонію слова, соблюденіе требованій, касающихся самой гармоніи церковной фразы.*

Всѣ эти принципы совершенно вѣрны и тѣмъ болѣе, что *славянскій языкъ* — родной намъ, *русскимъ славянамъ*, а, какъ языкъ *церковный*, онъ сугубо дорогой для насъ (Кіев. Епарх. Вѣдом.).

Голосъ изъ деревни.

(Корреспонденція изъ села Теофиловой-Пустыни Лужскаго уѣзда).

Давно, очень давно — около 75 лѣтъ тому назадъ величаво и радостно бились сердца пустынскихъ обитателей, когда Благословенный Государь Императоръ Александръ I часто посѣщаль убогій Теофиловскій храмъ, бесѣдовалъ съ батюшкою о. Игнатіемъ Василье-

вымъ и, чудесно исцѣленный у мощей преп. Теофила, выстроилъ миниатюрный, но великолѣпный храмъ въ с. Теофиловой-пустыни.

Такія же радостныя минуты пережили жители Теофиловой пустыни 1-го августа сего 1903 года. Ее посѣтилъ на пути во Псковъ Наслѣдникъ Русскаго Престола. По православному обычаю рѣшено было встрѣтить Высокаго Гостя крестнымъ ходомъ.

Солнце ясно свѣтило, играло на металлическихъ хоругвяхъ и ризѣ преп. Теофила. Народъ двигался по дорогѣ, тропочкамъ и канавамъ, казаки, какъ пришитые, сидѣли на лошадахъ и отдавали честь крестному ходу. Несся топотъ людской, ржаніе лошадей и стройное, величественное пѣніе хора около 50 человѣкъ. Крестный ходъ замыкался духовенствомъ, во главѣ съ архимандритомъ Никодимомъ,—развѣ не величественная картина въ сельской жизни!..

Народъ низко поклонился Государю Наслѣднику, когда онъ отдѣлился изъ строя Преображенскаго полка и направился къ крестному ходу. Слышны были стоны, видны были слезы, но всѣ они были какъ избытокъ величайшей радости. Когда о. архимандритъ Никодимъ говорилъ рѣчь объ исторіи храма и о радости нашей встрѣчать Наслѣдника Русскаго Престола, всѣ смотрѣли на Того, Кто составлялъ нашу радость и у всѣхъ было одно на сердцѣ „лягу за Царя за Русь“. Благословленный образомъ преп. Теофила и выслушавши краткій молебенъ, Его Императорское Высочество пожелалъ осмотрѣть храмъ. Въ пещерѣ, гдѣ почиваютъ мощи преп. Теофила, Государь Наслѣдникъ колѣнопреклонно молился. Въ храмѣ, хотя происходилъ самый разгаръ ремонта, Его Императорское Высочество осмотрѣлъ все и, узнавши отъ о. архимандрита, что это первый такой ремонтъ послѣ построенія, выразилъ свое удовольствіе. Въ старомъ, маленькомъ храмѣ, гдѣ совершалась во

время ремонта служба, Его Императорское Высочество былъ заинтересованъ стариннымъ образомъ преп. Теофила XVII в., образомъ Теофила и Александра Невского времени Александра I, иконостасомъ и св. Евангелиемъ XVII вѣка. Объясненіе давали о. архимандритъ и мѣстный священникъ. Посѣтивъ дачу духовнаго училища, при входѣ въ которую ученикъ 3 кл. Павловъ, поднесъ хлѣбъ-соль, Его Императорское Высочество изволилъ подробно разспрашивать у о. Смотрителя о дачѣ, выразилъ Свое удовольствіе по поводу отличныхъ дачныхъ помѣщеній, и въ книгѣ написалъ: „Посѣтилъ эту дачу 1903 г. 1 августа Михаилъ“. При входѣ въ домъ священника былъ встрѣченъ матушкою хлѣбомъ-солью. Разспросивъ священника о состояннн прихода, храма, семьи и откушавъ чаю и пирога, Его Императорское Высочество изволилъ принять листки и книжки о преп. Теофилѣ, справившись, кто былъ ихъ составитель. На мостикѣ дачи Государь Наслѣдникъ снялся со всѣми участниками торжества, снималъ воспит. дух. уч. Волковъ и гг. офицеры. Провоженный до стоянки пѣніемъ хора „Боже Царя Храни“, Его Императорское Высочество похвалилъ пѣніе хора, распрощался со всѣми, облобызавшись съ о. архимандритомъ.

Не стѣсненный никѣмъ и допущенный очень близко до Государя Наслѣдника народъ любовно восторгался стройнымъ и мощнымъ Наслѣдникомъ Русскаго Престола, Его чарующей любвеобильной улыбкой и, когда Онъ уходилъ изъ Пустыни, кричалъ отъ всего вѣрно-подданническаго сердца „Ура“!

Священникъ *Александръ Смирницкій.*

Памяти А. Н. Львова.

11-го августа, въ день 2-й годовщины А. Н. Львова, на кладбищѣ въ г. Гатчинѣ освященъ памятникъ, сооружаемый на могилѣ почившаго незабвеннаго дѣятеля Общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія. Послѣ заупокойной литургіи, на панихиду на могилѣ вышли сотрудники почившаго протоіереи Дерновъ и Орнатскій, священники Лахостскій и Рождественскій и настоятель Гатчинскаго собора. Предъ панихидою освященъ памятникъ, представляющій собою гранитный крестъ на пьедесталѣ; на немъ надпись — А. Н. Львовъ, дата кончины и „Отъ благодарнаго Общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія и членовъ Архивной Комиссии при Св. Синодѣ“. Вѣчная память почившему доброму дѣятелю на нивѣ Христовой!

Редакторы: Священники { *А. Рождественскій.*
П. Миртовъ.

Печатать разрѣш. Спб. 27-го августа 1903 г. Протоіерей Философъ Орнатскій.

Спб. Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная, 6.